

Серда Г.К. К вопросу о соотношении основных понятий в концепции «Память – Деятельность» // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2009. № 2. <http://www.psyanima.ru/>.

К вопросу о соотношении основных понятий в концепции «Память – Деятельность»

Г.К. Серда

Анализируется логическое противоречие при различении произвольной и произвольной логической памяти как деятельности в советской психологии памяти. Предлагается программа пересмотра основных понятий концепции «Память – Деятельность» на основе двух подходов: рассмотрения памяти как неосознаваемой субъектом постоянно совершающейся деятельности, рассмотрения памяти как продукта деятельности (познавательной, практической). Предлагается рассмотрение памяти как процесса, направленного в будущее и являющегося условием осуществления действия.

Ключевые слова: советская психология памяти, концепция «Память-Деятельность», произвольная память, произвольная память, функции памяти.

В советской психологии памяти сложилась и утвердилась в качестве ведущей теоретической концепции система представлений, которую мы условно назвали концепцией «память — деятельность» [13].

Генетическим ядром этой концепции является восходящая к именам Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева идея об опосредствованном характере человеческой психики и о деятельности как детерминирующем факторе ее возникновения и развития. В соответствии с этой идеей сами психологические процессы стали рассматриваться в советской психологии как особые формы идеальной деятельности.

Научно-экспериментальную основу концепции «память и деятельность» составляет ряд фундаментальных исследований [4, 7, 13].

Исходное положение в рассматриваемой системе представлений сводится к следующему. Психологическую природу человеческой памяти нельзя понять и объяснить, если ее рассматривать как «натуральную функцию» запечатления. Ее характеристики можно раскрыть и адекватно объяснить только в связи с характером и особенностями деятельности человека.

Важным шагом в продвижении психологической теории памяти является сформулированное П.И. Зинченко [4] положение о закономерной зависимости продуктивности запоминания материала от его места в структуре действия (т.е. от того, входит ли запоминаемый материал в содержание цели, способа или «фоновых» условий действия).

Соответствующие теоретические положения не только позволили осмыслить многочисленные факты и наблюдения с новых позиций, но и выступили в качестве ключевых моментов, определивших проблематику и характер ряда дальнейших исследований в этом направлении [1, 8, 9, 10, 11, 14].

Но с каждым успешным шагом вперед новых вопросов оказывается больше, чем решенных. В настоящее время психология памяти снова перегружена разнородным

эмпирическим материалом и испытывает некоторый дефицит организующих идей. Возникают новые теоретические проблемы. Это выражается в первую очередь в том, что в системе основных понятий концепции «память — деятельность» все отчетливее выступают некоторые неясные и противоречивые моменты.

В настоящей статье рассматриваются эти моменты применительно к центральным понятиям концепции «память — деятельность».

Речь идет о том, как следует понимать соотношение понятий «память» и «деятельность» в том сочетании, в котором они вынесены в заглавие самой концепции. Мыслится ли при этом зависимость памяти от деятельности или здесь имеется в виду память как специфическая психическая деятельность.

Этот вопрос мы впервые поставили на I Всесоюзном симпозиуме по проблемам психологии памяти [13]. Но тогда он не обсуждался, а в докладе на него давался однозначный ответ: «...в самом наименовании концепции «память и деятельность» следует усматривать не идею взаимной обусловленности двух «диффундирующих» явлений, которые якобы могут выступать и порознь, а идею их подлинного единства» [13, а. 214].

Такое решение вопроса мы предлагали как бы в противовес традиционному, с нашей точки зрения одностороннему, подходу к пониманию памяти только как продукта осуществленного действия. Обосновываемый нами новый подход к пониманию психологической природы памяти [12] связан с перемещением центра тяжести на рассмотрение памяти не только как продукта действия, но прежде всего как условия его осуществления. (Действительная сфера функционирования памяти — не прошлое, а предстоящее. Самый акт запоминания детерминируется не тем, что было, а тем, что будет, и является неотъемлемым условием «порождения» любого действия).

В соответствии с этим в упомянутом выше докладе развивалась мысль о том, что память и деятельность нельзя понимать как два «взаимодействующих полюса». «Вне деятельности память не имеет «собственной» сферы своего функционирования, равно как вне процессов памяти немыслима никакая деятельность. Формулировки типа «память, включенная в восприятие, мышление и т. д.» являются, с нашей точки зрения, «фигуральными выражениями»: восприятие «без памяти» так же немыслимо, как немыслима материя вне времени» [13, с. 214].

Однако при всей своей видимой категоричности эти рассуждения не содержат в себе определенного ответа на поставленный выше вопрос в духе признания только одной из сформулированных в нем альтернатив. Утверждение о «подлинном единстве» памяти и деятельности не означает признания того, что память это и есть деятельность. Более того, в определении памяти как «особого параметра деятельности» [13] фактически можно усматривать утверждение, что память не есть деятельность.

Таким образом, в цитируемой работе не содержится ответа на поставленный здесь вопрос. Между тем, очевидно, что без ясного ответа на него невозможно определить конституирующие признаки понятия, так как фактически в нем речь идет о том, что такое память.

Наиболее четко сформулированные положения мы находим в работах П.И. Зинченко, в которых соотношение рассматриваемых понятий широко обсуждалось в качестве специального предмета анализа.

Согласно П.И. Зинченко, само выделение в советской психологии двух основных видов памяти (непроизвольной и произвольной) является следствием того, что память стала изучаться «как деятельность» [4, с. 515]. Вместе с тем, рассматривая соотношение понятий «память» и «деятельность» применительно к каждому из указанных видов памяти в отдельности, П.И. Зинченко утверждает, что непроизвольная память не есть

деятельность, она есть «п р о д у к т деятельности» (иногда автор называет ее «побочным продуктом»), произвольная же память представляет собой «специальную мнемическую деятельность» (см., например [5, с. 223, 225; 4, с. 141, 156, 159, 439, 515, 516; 6, с. 9] и др.).

Принципиально такое же содержание вкладывает в соответствующие понятия и А.А. Смирнов, хотя соотношение этих понятий он специально не рассматривает. А.А. Смирнов также говорит о запоминании «к а к особом виде деятельности человека» [13, с. 330]. Характеризуя же его «основные виды» [6, с. 9], он называет произвольную память «мнемической деятельностью», а произвольную — **ито**гом деятельности» [6, с. 108].

С аналогичным соотношением понятий мы фактически встречаемся и в первой монографии А.Н. Леонтьева, с той только разницей, что вместо деления памяти на произвольную и произвольную А.Н. Леонтьев вслед за Л.С. Выготским делит ее на «непосредственную» («натуральную») и «опосредствованную» («логическую»). При этом логическая память, по А.Н. Леонтьеву, является «внутренне опосредованной деятельностью» [7, с. 222], «натуральная» же память деятельностью не является, а представляет собой «автоматически фиксирующий механизм» [7, с. 56].

Наконец, и в работах Л.С. Выготского мы не наблюдаем единой линии в трактовке понятия «память», а также его соотношения с понятием «деятельность». В одном случае автор характеризует все в и д ы п а м я т и как «деятельность в точном смысле этого слова» [3, с. 153], в другом определяет «натуральную» память как функцию непосредственного запечатления по принципу «стимул — реакция» [2, с. 104, 272] и др.

Таким образом, во всех рассмотренных источниках наблюдается более или менее ярко выраженная двойственность в трактовке соотношения понятий «память» и «деятельность». Обобщая соответствующие высказывания, можно сделать вывод, что когда эти понятия рассматриваются в общем плане, вся память определяется как деятельность, если же рассматриваются ее основные виды, деятельностью называется только произвольная логическая память.

Когда эта двойственность обнаруживается, прежде всего бросается в глаза ряд чисто логических несоответствий.

Во-первых, если память может быть и деятельностью, и «не деятельностью», то этот признак (принадлежность к категории деятельности) вообще не может рассматриваться в качестве конституирующего признака понятия. Следовательно, формула «память к а к деятельность» оказывается неприемлемой (из двух фигурирующих в определениях памяти признаков — «деятельность» и «продукт деятельности» — общим может быть только второй).

Во-вторых, рассуждая далее в этом направлении, мы обнаруживаем, что при выделении двух видов памяти (произвольной и произвольной) нарушается логическое требование единого основания деления понятия. В одном случае память рассматривается только как «процессуальная» сторона деятельности, в другом — только как «результативная», «продуктивная» ее сторона. Другими словами, памятью называют д в а р а з л и ч н ы х явления. В одном случае это деятельность, в е д у щ а я к запоминанию (так называемое «мнемическое действие»), в другом — это запоминание как р е з у л ь т а т любой деятельности («мнемический э ф ф е к т »).

Перемещение этих понятий из разных плоскостей анализа в одну приводит к противоречию, разрушающему всю систему понятий: если называть памятью «мнемический эффект», то тогда не существует никакой «произвольной» памяти (мнемический эффект есть закономерный продукт л ю б о г о действия, и его качества определяются только местом соответствующего материала в структуре действия). Если же называть памятью «мнемическое действие», то тогда не существует никакой «произвольной» памяти (мнемическое действие — это только такое познавательное действие, которое с п е ц и а л ь н о направлено на запоминание (материала)).

В-третьих, если «процессуальность» нельзя рассматривать в качестве общего признака обоих видов памяти, то «продуктивность» могла бы выступить в таком качестве, поскольку мнемическое действие тоже имеет свой продукт и может рассматриваться с этой стороны. Однако произвольная память никогда не определяется как результат действия.

Это значит, что определение памяти по признаку продукт — не продукт содержит в себе нарушение логического требования «взаимного исключения» членов при делении понятия (признак «продуктивности» включается в определение только произвольной памяти).

Мы признаем, что память, как и любое другое явление, может быть рассмотрена в различных отношениях и описана в различных системах понятий. Допускаем, что ее можно рассматривать и как деятельность, и как продукт деятельности. Но если одновременно смешать воедино эти два различных плана рассмотрения, то неизбежно смешаются несовместимые свойства. Когда речь идет о конституирующих признаках памяти, то в пределах данной системы понятий все ее виды и формы должны определяться «одинаковыми» словами. Применительно к проблеме соотношения понятий «память» и «деятельность» вопрос должен решаться так: либо вся память (и произвольная, и непроизвольная) называется деятельностью и рассматривается как деятельность, либо вся она (и произвольная и непроизвольная) называется продуктом деятельности и рассматривается как продукт деятельности.

Однако, если бы дело сводилось к отмеченным нами логическим несоответствиям (самим по себе), то всю проблему можно было бы решить средствами одной только формальной логики. В действительности же отмеченные логические неувязки являются лишь внешним следствием более глубоко лежащих смещений в понимании самого психологического содержания соответствующих понятий. Не случайно же эти неувязки становятся заметными только после того, как мы подходим к ним «изнутри».

Попытаемся подойти к вопросу и с этой стороны, т.е. со стороны собственно психологического содержания проблемы памяти и деятельности.

Задаваясь целью рассмотреть соотношение основных понятий концепции «память — деятельность» с точки зрения некоторых их «неясных и противоречивых моментов», мы видели свою задачу прежде всего в том, чтобы отчетливо поставить соответствующие вопросы, не претендуя на то, чтобы сразу же дать удовлетворительные ответы.

Поэтому, намереваясь изложить здесь положительную программу пересмотра традиционных представлений, лежащих в основе концепции «память — деятельность», мы имеем в виду скорее только направление этого пересмотра, нежели его окончательный результат.

Рассмотрим сначала возможность теоретически обосновать первый из намеченных подходов к пониманию психологической природы памяти, т.е. к пониманию ее как деятельности.

Можно сказать, что изначальная трудность такого понимания обусловлена естественным давлением наших житейских представлений о памяти как хранилище опыта.

В самом деле, даже о так называемой произвольной памяти естественно думать, что она бывает действенной только в период протекания соответствующих «активных» процессов, т.е. в момент либо запоминания, либо воспроизведения. Что касается «сохранения», то его неудобно представлять как процесс, скорее оно представляется нам как какое-то «состояние следов». И хотя известно, что память это не кладовая опыта, фактически мы представляем ее себе именно так, когда говорим о «постоянной», «долговременной», «энциклопедической» памяти и т.д. Поэтому,

признавая память деятельностью, мы можем понять ее лишь как периодическую деятельность и решительно не можем себе представить, где и как она «сохраняется» в период «бездействия».

Такое представление, наряду с представлением о памяти как некоторой автономной способности человека, живет не только в сфере житейских «предрассудков», оно в различных формах проникает в научную литературу о памяти, налагает отпечаток на ее теоретические концепции.

Описанному «естественному» представлению мы противопоставляем гипотезу, согласно которой память человека никогда не бывает в состоянии бездействия. Она представляет собой такой же непрерывающийся процесс, как, например, кровообращение или дыхание в живом организме. Так называемое «сохранение» опыта с этой точки зрения есть постоянное участие его в этом процессе, а еще точнее — это и есть сам этот процесс.

Прежде чем раскрыть суть данной гипотезы более содержательно, подчеркнем, что она не является чисто «умозрительным» построением. Мы считаем, что согласующиеся с ней факты можно легче набрать, чем факты, противоречащие ей.

Известно, например, что в памяти ничто не остается в неизменном виде. Первоначальная форма материала в некоторых случаях может изменяться в ней до неузнаваемости. И хотя такие изменения мы лишь изредка замечаем по некоторым их внешним проявлениям, в действительности эта текучесть нашей памяти представляет собой не исключение, а закон ее функционирования. В качестве проявления этого закона можно, по-видимому, рассматривать такие классы явлений, которые в психологии именуется «реконструкцией», «реминисценцией», «интерференцией».

Таким образом, наш опыт не «хранится» в памяти, а непрерывно в ней «циркулирует». Он представляет собой поток, который, сохраняя свое единство, фактически никогда не бывает «одним и тем же».

В этом, по-видимому, состоит основное назначение нашей памяти: чтобы обеспечивать готовность организма к предстоящему взаимодействию с миром, он должен непрерывно осуществлять службу соотнесения того, что было, с тем, что будет.

С этих позиций можно понять психологическую природу памяти как деятельности, которая направлена на выработку наиболее целесообразных способов ориентировки субъекта в окружающей его действительности применительно к условиям его индивидуального опыта. Для того, чтобы эти способы ориентировки наиболее полно отвечали особенностям каждого данного момента существования индивида, прошлый опыт в них всегда отражен в свете предстоящего. Выполняя специфическую функцию обобщения способов ориентировки, память их не хранит в прошлом опыте, а формирует на стыке прошлого и будущего. Субъективно же в каждый момент «поперечного среза» наш опыт представлен сознанию в виде картины того, что мы «знаем» и «помним» о вещах.

Согласно нашему представлению, этот процесс всегда протекает на неосознаваемом уровне, а до уровня сознания он поднимается уже в форме мышления, восприятия и других «временно» протекающих психических процессов, из которых память не может быть вычленена как «отдельный» их компонент или «чистая» функция.

И все же, как мы полагаем, память и на этом уровне не может быть просто отождествлена с мышлением. Являясь его более глубоким «этажом», она выполняет специфические функции, которые не свойственны ни одному, ни другому психическому процессу. Укажем две такие функции.

1. Функция исторической организации элементов опыта, т.е. упорядоченного размещения их во времени (вернее, в отраженной схеме их временной

последовательности).

2. Функция оценочно-смыслового ф и л ь т р а , т.е. организации элементов опыта по признаку их жизненной значимости для индивида (что следует «помнить» и что можно «забыть»).

Обычным внешним проявлением «исторической» функции является то, что мы помним, «что после чего было». В самый момент протекания любого действия эта функция обеспечивает «сцепление» каждого предшествующего его элемента с последующим, и механизм ее осуществления от непосредственного наблюдения скрыт. Функцию «фильтра» можно представить себе как функцию «пространственного» перемещения элементов опыта относительно фокусной точки осознания: приближения одних к центру и вытеснения других на более или менее отдаленную периферию. Внешним проявлением этой функции является различная степень готовности памяти («помню — плохо помню — не помню»). Внутренний же ее механизм также остается за пределами непосредственного контроля сознания.

В таком виде (как не осознаваемая субъектом деятельность) память «включена» в деятельность выше лежащего уровня, которая характеризуется сознательными целями, мотивами, способами.

И хотя память функционирует в соответствии со стратегическими программами, задаваемыми сверху, наш подход к проблеме требует провести отчетливую разграничительную линию между этими двумя уровнями деятельности.

Мы считаем, что так называемая мнемическая деятельность лишь условно может быть названа «произвольной памятью». То, что принято у нас называть мнемическим действием, в действительности является не запоминанием в собственном смысле этого слова, а п о з н а в а т е л ь н ы м действием, детерминирующим запоминание. «Произвольно» мы можем осуществлять лишь в ы б о р объекта мысли и в в е д е н и е его в зону наиболее ясного сознания — в цель действия. Но это действие с материалом не является, а лишь сопровождается запоминанием как действием и н о г о у р о в н я протекания.

Иначе говоря, согласно нашему представлению в специальном действии, которое называют произвольным запоминанием, необходимо различать два этажа: верхний этаж — сознательное познавательное действие, нижний — неосознаваемая мнемическая деятельность.

В действии, обеспечивающем запоминание, указанная разграничительная линия сильно завуалирована, зато она отчетливо выступает в действии, обеспечивающем, например, забывание. Это становится понятным уже при одном сопоставлении выражений «произвольно запомнить» и «произвольно забыть». Произвольно забывать мы не умеем иначе, как избегая определенных практических действий (например, встречи с определенными предметами), в надежде, что п о т о м , в о з м о ж н о , произойдет забывание. Чеховская хозяйка вишневого сада для того, чтобы забыть о трагедии в усадьбе, уехала за границу. Именно такие действия имеют в виду, когда говорят о «произвольности» забывания. Но если перемену места жительства, путешествие и т.д. можно назвать процессом памяти, то этот процесс действительно может быть произвольным.

Однако это сделать можно только условно. Забывание как процесс памяти происходит где-то глубже, чем в самом действии территориального перемещения либо даже в тех внутренних процессах, которыми это перемещение непосредственно обслуживается. В этом смысле забывание произвольным процессом быть не может. Преднамеренное выполнение рекомендаций типа «Не думайте о белых слонах» приводит, как известно, только к противоположному эффекту.

Принципиально то же самое мы должны сказать и о произвольном запоминании:

произвольной может быть только деятельность, так или иначе предопределяющая запоминание. Назвать запоминанием саму эту деятельность, значит перевести разговор уже в совсем иную плоскость анализа.. Но, сохраняя такое понятие произвольной памяти даже и в этой, «верхней» плоскости ее рассмотрения, надо иметь в виду, что соответствующая система понятий при этом разрушается. Ибо если всякую деятельность, специально направленную на получение опосредствованного ею «мнемического эффекта», называть произвольной памятью, то тогда все другие виды деятельности надо называть непроизвольной памятью. И мы со всей логической неизбежностью приходим к тому, что в психике, кроме памяти, ничего нет.

Таким образом, согласно изложенному подходу, память может быть рассмотрена как деятельность, протекающая на неосознаваемом уровне и представляющая собой избирательную и историческую организацию опыта индивида как основу формирования наиболее адекватных способов его ориентировки в окружающем мире. Вопрос о делении процессов памяти на произвольные и непроизвольные на этом уровне, следовательно, снимается «по определению». Что же касается уровня целенаправленной предметной деятельности, то память (и произвольная, и непроизвольная) может быть понята только как продукт этой деятельности, а не сама деятельность.

В этом и состоит второй из намеченных нами возможных подходов к пониманию соотношения понятий «память» и «деятельность». Остановимся подробнее на некоторых его моментах.

Каким представляется содержание самого понятия «память» при таком подходе? Как продукт деятельности, память открывается субъекту в форме системы его наличных знаний и способностей. Можно сказать, что на этом уровне она выступает со стороны своих внешних характеристик, которые выражаются в ее «материальной» продуктивности и могут быть измерены в опыте путем определения объема воспроизводимого материала. Мы имеем в виду такие характеристики памяти, как ее полнота, точность, прочность, лабильность.

Связь памяти с деятельностью рассматривается здесь как зависимость продуктивности запоминания (воспроизведения, сохранения) материала от его места в структуре деятельности.

Основной вопрос изучения памяти на этом уровне — это вопрос о том, что и при каких условиях запоминается наиболее продуктивно. Ответ на этот вопрос предельно строго сформулирован в работах П.И. Зинченко: наиболее продуктивно запоминается то, что входит в содержание основной цели действия субъекта.

П.И. Зинченко формулировал это положение применительно только к непроизвольной памяти. Однако, как нам представляется, оно не только приложимо к обоим видам памяти, но именно с этих позиций должен быть рассмотрен вопрос о подлинной специфике каждого из них. Поскольку в контексте проблемы памяти и деятельности этот вопрос приобретает особое значение, остановимся на нем подробнее.

Любая деятельность предполагает своеобразную селекцию материала, состоящую в выделении «целевых» компонентов его содержания и отвлечения от всех остальных сторон. В результате такого избирательного взаимодействия субъекта с материалом только определенная часть его содержания выстраивается в процессе деятельности в некоторую «красную линию» целей, реализующих ее ведущий мотив. Именно эта часть материала и запоминается наиболее продуктивно.

В обычных условиях познавательной деятельности память (непроизвольная) не обеспечивает исчерпывающей полноты и точности запоминания всех элементов материала, с которым имел дело человек, потому что такая полнота не программируется соответствующими познавательными задачами: она для их решения не имеет смысла.

Однако это не означает, что произвольная память в принципе не может обеспечивать надлежащей полноты и точности запоминания. Как показали наши исследования, возможно буквальное произвольное запоминание такого материала, как таблицы умножения, стихи и т.д. Все зависит от характера целей соответствующей деятельности.

Под этим углом зрения должны быть рассмотрены и те особенности запоминания, которые обуславливаются его «произвольностью». Поскольку мнемическая деятельность с самого начала ориентирована на предстоящее воспроизведение материала во всей заданной полноте его формы, то отсюда и ее «произвол»: соответствующая система действий организуется по отношению ко всем элементам данной формы. Характер и продолжительность этих действий регулируется соотношением полученного продукта с заданным образцом. Так называемое «простое повторение» материала вызывается необходимостью регулярного получения «обратной связи» от достигнутого результата для избирательного заполнения «пробелов». Таким образом, именно в полноте произвольного запоминания проявляется его избирательность.

Значит, специфическую особенность мнемического действия по сравнению с обычным познавательным мы видим в изначальной ориентации на форму данного материала. Все его другие особенности не являются специфическими для него. Когда подчеркивают логический и смысловой характер произвольного запоминания, то всегда упускают из виду следующие два важных момента. Во-первых, результатом познавательной и смысловой обработки материала является его *н е п р о и з в о л ь н о е* запоминание, которое полностью включено в продукт мнемического действия, именуемый произвольной памятью. (Этим еще раз подтверждается необходимость различать два отмеченных выше этапа в структуре мнемического действия).

Во-вторых, собственно целевым назначением этой логической и смысловой обработки материала является закрепление содержания последнего в *д а н н о й* его *ф о р м е*. Именно поэтому произвольное запоминание в принципе может обходиться и без смысла, заменяя логику чистой «мнемоникой». Сколько бы мы ни ругали формальное заучивание как «плохое» произвольное запоминание, но именно в формальном заучивании сказывается собственная специфика мнемического действия.

Конечно, степень выраженности этой специфической ориентации мнемического действия на форму материала может быть различной. Однако чем большие возможности будут создаваться для отступления от буквального воспроизведения формы в сторону передачи содержания «своими словами», тем больше будет утрачиваться специфика мнемического действия именно как произвольного запоминания. Все это не означает, что произвольной памяти, согласно нашему представлению, должна быть дана только отрицательная характеристика. Мы не отрицаем того, что произвольное запоминание может быть разумным и целесообразным. Но в данном контексте нас интересовали не педагогические или житейские аспекты проблемы хорошей и плохой произвольной памяти, а вопрос о специфике ее психологических механизмов.

Таким образом, на уровне целенаправленной предметной деятельности человека память можно рассматривать как продукт этой деятельности. При этом произвольная память выступит как продукт познавательных и практических действий, а произвольная — как продукт специального вида познавательной, или так называемой мнемической деятельности.

В заключение подчеркнем, что подход к изучению памяти как продукта деятельности существенно ограничивает возможности раскрытия психологической природы памяти вследствие своей специфической односторонности. Действительно, с точки зрения жизненного назначения нашей памяти «продукт» для нее не является самоцелью. Подлинную психологическую природу памяти можно адекватно раскрыть, если ее рассматривать не только как продукт предшествующего действия, но прежде всего

как условие осуществления предстоящего действия. Именно на этом пути открывается возможность изучения механизма интимной психологической связи и зависимости между двумя «этажами» деятельности (сознаваемым и несознаваемым уровнями ее функционирования), которые до сих пор мы главным образом только разделяли.

Однако это уже специальная задача, выходящая за пределы возможностей данной статьи.

Литература:

1. Бочарова С.П. Объем памяти и ценность информации.— «Проблемы исследования памяти». Харьков, 1969, с. 110—112.
2. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М., Изд-во АПН РСФСР, 1960. 500 с.
3. Выготский Л.С. Педагогическая психология. Краткий курс. М., «Работник просвещения», 1926. 141 с.
4. Зинченко П.И. Непроизвольное запоминание. М., Изд-во АПН РСФСР, 1961. 526 с.
5. Зинченко П.И. Вопросы психологии памяти.— В кн. «Психологическая наука в СССР», 1959, т. I, Москва, с. 221 — 256.
6. Зинченко П.И. Некоторые проблемы психологии памяти.— Материалы XVIII Международного конгресса. Симпозиум 22, 1966, М., с. 9-16.
7. Леонтьев А.Н. Развитие памяти. Экспериментальные исследования высших психологических функций. М.—Л., «Наука», 1931. 277 с.
8. Ляудис В.Я. О структуре мнемического действия.— «Проблемы инженерной психологии», 1965, вып. 3, с. 175-207.
9. Невельский П.Б. Объем памяти и количество информации — «Проблемы инженерной психологии», 1965, вып. 3, с. 19—118.
10. Репкина Г.В. Исследование оперативной памяти.— «Проблемы инженерной психологии», 1965, вып. 3, с. 118-165.
11. Середа Г.К. Проблема памяти и обучения.— «Вопросы психологии», 1967, № 1, с. 115—126.
12. Середа Г.К. О новом подходе к пониманию психологической природы памяти. — «Вестник Харьк. ун-та. Психология». Вып. 6, 1973, с. 3—8.
13. Середа Г.К. Память и обучение как теоретическая проблема. — В сб. «Психологические механизмы памяти и ее закономерности в процессе обучения». Харьков, 1970, с. 212 – 214.
14. Середа Г.К., Снопик Б.И. К проблеме единства механизмов кратковременной и долговременной памяти.— «Вопросы психологии», 1970, № 6, с. 60 – 74.

1975 г.

Поступила в редакцию 20.04.2009 г.

Сведения об авторе

Г.К. Середа — доктор психологических наук, заведовал кафедрой психологии Харьковского государственного университета.